

Ѣсть ѡуа не боются грѣха [вместо уху];

Ѣздиш ѣмеля еіе ждаты ево недѣля [вместо *неделю*];

Ѣднї рыба дати ей имя [вместо *рыбу*]. Здесь, правда, Ѣднї - дее-причастие, не инфинитив, но конструкция для анализа подходящая.

Достойную помоуѣ преподавателю и студентам окажут пословицы и с примерами старинного беспредложного управления:

Ладанѡ бѣгаеѣтъ дьяво^а а дѡра^а до^рова слова [вместо *от ладана и от добра слова*];

Изыкы Кіева даведетѣ [вместо *до Киева*].

И, наконец, пословицы с союзом *а* в значении *'и'* тоже заставят поверить студента в то, что не только в современном польском языке, но и некогда в русском, употреблялся этот союз в соединительном значении:

Ѣкъ жить а Ѣкъ ѡчитѣа;

Денъ святѣа а люди спятѣа;

Рѣка рѣкъ^а моетѣа а ове хотѣа бѣлы быѣти.

Таким образом, для надёжной аргументации теоретических фактов по истории языка (фактов, как известно, во многом трудно усваиваемых) подобного рода приемы необходимы и полезны. Чем больше мы проговариваем предлагаемый материал, повторяем его и неустанно припоминаем при каждом удобном случае в обличье фразем, тем больше даем шансов запомнить то, что должно знать, вселяем веру в необходимость этого знания, повышаем мотивацию к усвоению предмета, мы, в конце концов, духовно обогащаем учащегося, научаем его высоко ценить трепетное очарование живым славянским словомъ.

Литература

1. Симоны, Павелъ "Старинныя сборники русскихъ пословиць, поговорокъ, загадокъ и проч. XVII – XIX столѣтїи" / Павелъ Симоны. – Санктпетербургъ, 1899

2. Коменскій, Ян Амос. Избранные педагогическія сочиненія: т. I. Великая дидактика / Ян Амос Коменскій. – М., 1939.

Н.В.Соловьева (Минск)

ЮРИДИЧЕСКИЕ ФОРМУЛЫ В ЯЗЫКЕ МОСКОВСКОГО ПЕРЕВОДА-РЕДАКЦИИ ЛИТОВСКОГО СТАТУТА 1588 Г.

Перевод Литовского статута 1588 г., сделанный в Москве в XVII веке, является одним из наиболее интересных памятников старорусского делового языка. Интерес этот заключается не только в том, что науке еще предстоит решить вопросы о точной дате перевода, о связи данного текста с текстом Уложения 1649 г., но и в языковых особенностях памятника, который не является переводом в строгом смысле. И.И. Лаппо, издатель и первый исследователь памятника, отмечал, что вернее было бы считать текст именно редакцией, поскольку в ряде случаев переводчик позволял себе существен-

ные отступления от первоисточника, приблизив содержание к московским порядкам и понятиям [1, с. 216].

Все исследователи, так или иначе обращавшиеся к тексту памятника, отмечали его огромное научное, в том числе и лингвистическое, значение [1], [2], [3]. Несмотря на это, языковые особенности Московского перевода редакции Литовского статута 1588 г. остаются недостаточно изученными.

Интересные наблюдения лингвистического характера были сделаны И.И. Лаппо еще в 1914 г. Говоря о том, что переводчику в большинстве случаев успешно удавалось найти соответствующий языковой эквивалент для передачи тех или иных фактов и реалий Великого княжества Литовского, исследователь отмечал: «Иногда Московский переводчик-редактор в тексте Статута наталкивался на явления и понятия, которые не поддавались его уразумению, ибо их не было в московском укладе жизни и в его сознании: они не находили в его запасе аналогичных понятий» [1, с. 219]. Особенно ценно это замечание в отношении устойчивых юридических формул, которыми насыщен как оригинальный текст Статута ВКЛ 1588 г. (ЛС), так и текст Московского перевода-редакции XVII в. (П-Р).

В отличие от семантики однословных наименований и терминообразований значений юридического языка, семантика формулы заключает в себе целый кластер информации о том или ином фрагменте старорусской правовой картины мира, а устойчивость формулы свидетельствует о том, что данный фрагмент является ключевым для средневекового русского правосознания.

В языке П-Р можно выделить 3 типа юридических формул по характеру соответствий языку оригинального текста ЛС:

1) формула в П-Р полностью эквивалентна ЛС;

2) формула в П-Р не эквивалентна / частично эквивалентна ЛС, при этом различия носят сугубо языковой характер;

3) формула в П-Р не эквивалентна / частично эквивалентна ЛС, при этом различия обусловлены несоответствиями в правовых картинах мира.

К первой группе следует отнести формулу *карать вязеньемъ: и будеть жалобщикъ на него доведеть впрямь,.... и того съ суда карать вязеньемъ, в замку или во дворъ нашеъ на шесть недѣль посадить в башню* (П-Р, 88). – *а сторона ображоная доведет ли того на него доводомъ слышнымъ. маеть бытии с права карань вязеньемъ* (ЛС, 90). Переводчик оставил без изменений формулу исходного текста, несмотря на то, что слово *вязенье* в значении ‘заключение, тюрьма’ не было характерно для старорусской правовой терминологии. Однако наличие последующего контекста, полностью раскрывающего значение формулы, не требовало ее специального перевода. В случае же отсутствия пояснительного контекста переводчик даст толкование выражения: *а сверхъ того карать того слугу вязеньемъ, спирѣчь посадить въ тюрьму* (П-Р, 93 об).

К этой же группе относится формула *заплатити (платити) вину: А за всякое непослушанье повинень вышеописанную вину платитъ* (П-Р, 88 об). – *за кождое недосыть учинень седенью мають вину вышей описанную платити* (ЛС, 90). В данном случае тождественность формулы в П-Р и ЛС

легко объяснима и обусловлена общими истоками правовой культуры и юридического языка Московского государства и ВКЛ, берущими начало в общевосточнославянскую эпоху.

Это же справедливо и в отношении второй группы формул, куда относятся заплатить убытки, заплатить безчестье, взять убытки, позвать к суду. Ср.:

П-Р

А по суду и по сыску укривже-
ному шляхтичку вины повиненъ за-
платитъ дватцать копъ грошей и
убытки всѣ вдвое (91 об)

Укривжеоному безчестье за-
платитъ (113 об)

Грабежь и убытки всѣ вдвое
указать взять (100)

тѣхъ приказныхъ позвать жа-
лобщику къ суду головному трибу-
нальному (97)

Как видно, формулы и в тексте П-Р, и в тексте ЛС тождественны в отношении обозначаемых ими явлений. Различия между ними лежат в языковой плоскости и обусловлены особенностями лексико-грамматических систем старорусского и старобелорусского языков.

Различия же между формулами 3 группы, как было отмечено выше, объясняются не языковыми, а мировоззренческими причинами, эксплицируя особенности старорусского правового сознания. Приведем несколько примеров:

П-Р

Управа съ такихъ чинить въ
походе хоружему или кашталяну или
воеводе (65 об)

Мещаномъ на тѣхъ крестья-
нехъ искать судомъ на нашихъ пе-
редь урядникомъ нашимъ... а урядни-
ки наши и боярские управу имъ чи-
нить повинни будутъ (99 об-100)

Съ такихъ управа чинить
тотчасъ безъ проволоки (61)

ЛС

А за доводомъ правнымъ, вины
двадцать коп грошей будетъ пови-
ненъ оному укривжеоному шляхтичку
заплатити, и шкodu совито оправи-
ти (94)

А такового обельжоного вряд-
ника навезати водлвгъ стану его
шляхтеского (133)

Грабежь совито навезати и
шкodu такъ же совито оправити
(109)

Маеть быти позыванъ до суду
головного трибунальского (104)

ЛС

Укривжеоный маеть себе спра-
ведливости доводити в тягненью
передъ хоружимъ або кашталяномъ
або воеводою (58-59)

О тые долги и инъшии кривды
с тыми виноватыми у пановъ ихъ, а з
нашими подданными у врядниковъ
нашихъ будутъ повинни справедли-
вости доходити, а наши врядники и
панские мають имъ справедливость
чинити (108)

С такими справедливость
чинити, и отъправу на винномъ и
маетности его самъ за разомъ не
проволакаючи делати (51)

Обращает на себя внимание тот факт, что в тексте П-Р отсутствует лексема *справедливость*. Оригинальная формула Статута *справедливо чинити* – ‘поступать по правде’ в московском переводе заменяется не родственными по значению *управу чинити* – ‘удовлетворять жалобу в судебном порядке’, *судом искати* – ‘добиваться чего-либо в суде’.

Неравнозначный перевод формулы *справедливость чинити* свидетельствует об отсутствии соответствующего понятия в правовом сознании московского переводчика несмотря на то, что родственность слов *справедливость* и *правда* (*правый, праведный*) неоспорима. Между тем русское слово *правда* в период Московского государства утратило свое значение основополагающего внутреннего закона, на котором держалось древнерусское общество в период Киевской Руси. «Демократические отношения, основанные на «правде» закончились на Руси с татаро-монгольским игом» [4, 170], и само понятие права, закона трансформировалось из понятия о внутренней справедливости (Русская Правда) в представление об упорядоченности, организованности, устойчивости (Устав, Уложение).

Различия между правовыми картинами мира ВКЛ (Магдебургское право, правовые отношения в горизонтальной плоскости) и Московского государства (отождествление права и власти, правовые отношения в вертикальной плоскости) отразились и в языке П-Р: *Безчестье и головишина одна ко из ымъ бня такого непослушного велѣть взять тотъ часъ* (П-Р, 114-114 об). – *Навезка або головишина предъ се зъ имения такого непослушного плачона и отъправована быти маеть* (ЛС, 133); *такова чести отсудить горлом карать* (П-Р, 33 об). – *тотъ горло и почтивость тратить* (ЛС, 7).

Таким образом, изучение устойчивых формул в языке Московского перевода-редакции Литовского статута 1588 г. позволяет уточнить особенности старорусской системы юридических терминообозначений, проследить пути проникновения в русский язык новых слов. Кроме того, исследование особенностей перевода устойчивых формул на старорусский язык позволяет выявить специфику русского средневекового правосознания, установить его ключевые понятия.

Литература

1. Лаппо И.И. Литовский Статут в московском переводе-редакции XVII столетия // Журнал Министерства народного просвещения, 1914.
2. Сулавичене Л.В. Лексические особенности московского перевода-редакции Литовского статута 1588 года. Дис. ... канд. фил. наук. – Вильнюс, 1964.
3. Козырев И.С. Некоторые лексические и фразеологические данные Московского перевода-редакции «Литовского статута» // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. – М., 1974.
4. Сергеева А.В. Русские: Стереотипы поведения, традиции, ментальность. – М., 2004.